К. Куоллс

Агитировать и создавать условия: перепланировка города-героя Севастополя, 1944–1953 гг.[1]

Карл Куоллс,
профессор,
Дикинсон колледж
(Карлайл,
Пенсильвания, США)

22 июня 1941 г. нацисты начали бомбардировку Советского Союза, и в том числе, имевшую большое стратегическое значение военно-морскую базу Севастополя. После беспрестанных артобстрелов, бомбардировок и почти двух лет оккупации в отбитом у немцев в мае 1944 г. Севастополе только 3 % зданий были полностью пригодны для жилья. Восстановление претерпевших огромные разрушения городов, таких как Севастополь и Сталинград, было приоритетной задачей для Советского руководства, однако до этого не приходилось делать ничего в подобном масштабе. Кроме того, при почти 27 миллионах погибших и миллионах бездомных, в городах не было стабильных трудовых ресурсов и квалифицированных кадров. Города нуждались в притоке трудоспособных людей, однако для привлечения рабочих необходимо было обеспечить их хотя бы самым скромным жильем, едой и медицинским обслуживанием. Решать эту дилемму выпало местным проектировщикам.

Прибытие в Севастополь новых людей могло стать угрозой для чувства общности, и в случае отсутствия контроля, процесс восстановления города мог бы замедлиться. Для того чтобы вдохновить как местных жителей, так и только что прибывших людей, на самоотверженную работу по восстановлению города, военно-морские и муниципальные чиновники, а также работники культуры стали привлекать общественное внимание к героическому прошлому Севастополя — как защитника России и Советского Союза. Отсылки к историческому прошлому были крайне важны для города, по большей части населенного не коренными жителями, которые, скорее всего, не были знакомы с историей города, но благодаря которым в Севастополе в первые годы после его освобождения была восстановлена численность

© К. Куоллс, 2013

населения[2]. Для того чтобы удержать в городе возвращающихся или завербованных рабочих, было необходимо обеспечить их жильем, питанием и медицинским обслуживанием. При внимательном анализе материалов московских и севастопольских архивов удалось обнаружить некоторые способы, при помощи которых местные власти, прибегая к агитации и обеспечивая людей жильем, восстанавливали Севастополь из руин.

Провозглашение заботы о населении и обеспечении его жильем было лейтмотивом всего советского периода, но созданный в 1930-е гг. культ личности Сталина основывался на его образе «отца народов», который гарантирует, что его «семья» будет счастливой, а жить «будет веселее». В 1930-е гг. это в основном обеспечивалось за счет парадов, кинофильмов и увеличения уровня потребления, но в послевоенные годы появились дополнительные проблемы. В постановлении Совета Народных Комиссаров «О мерах по восстановлению городов РСФСР разрушенных немецкими захватчиками» в ноябре 1945 г. прозвучал призыв к скорейшему восстановлению объектов, представляющих архитектурную ценность, городских центров, жилых массивов, и «улучшению повседневной жизни жителей городов»[3]. Жилье и здравоохранение были лишь некоторыми из многих категорий, которые подпадали под понятие «повседневная жизнь». Для восстановления объектов, представляющих архитектурную ценность (таких как здания, памятники и др.), было необходимо принимать во внимание историю и традиции. Таким образом, изучая послевоенное восстановление Севастополя, можно понять намерения советского режима в эти кризисные годы, а также то, как местным властям удавалось достигать договоренности о плане реконструкции, более соответствующего именно их пониманию прошлого и будущего города.

Агитация

Проектировщики Севастополя понимали, что городская архитектура является мощным средством по созданию местной и национальной идентичности. В то время как проектировщики из центра в основном предпочитали архитектурные стили и советские мемориалы, характерные для всего СССР, местные чиновники понимали, что городу нужен свой неповторимый облик. Проектировщики из самого Севастополя с большим почтением относились к дореволюционному наследию города и придавали большее значение необходимости запечатлеть в памяти людей те события XIX в., благодаря которым Севастополь вошел в русскую историю. Памятники, названия улиц и сами здания возрождали в памяти более глубокие исторические ассоциации, помещая, таким образом, события советского периода в более широкий контекст. Не менее важным было и то, что местные проектировщики отстаивали городской стиль и использование строительных материалов, более характерных для этого региона. Благодаря этому перспектива Севастополя стала бы не похожей на другие города. Согласно мнению Мюррея

Эдельмана, специалиста в области символической политики и политической психологии, символ в геополитике «является чем-то иным, нежели он сам, и он также вызывает особое к себе отношение, ряд впечатлений или картину событий, пробуждающих ассоциации, идущие сквозь время, сквозь пространство, сквозь логику и воображение»[4]. Содержание и стиль пространств, созданных в целях агитации командой местных архитекторов, создали город, который стал уникальным и более легко опознаваемым, чем если бы это был стандартный набор образов, который предлагали промосковские архитекторы.

С изменением в 1943 г. хода войны, советским центральным руководством в Москве был сформирован Комитет по делам архитектуры, задачей которого было следить за планировкой городов и их реставрацией и за тем, чтобы правильный «советский» стиль утвердился по всей стране. В понимании большинства архитекторов и проектировщиков 1940-х гг. «советскими» были огромные неоклассические здания, построенные вдоль широких проспектов, названных в честь Маркса, Ленина или героев революции. Они стали образцом еще с тех пор, как в предыдущее десятилетие была осуществлена перепланировка Москвы[5]. Однако послевоенный период был совершенно иным. Архитекторы из самих городов, проектировщики, историки и обычные люди решили озвучить свои возражения московским и ленинградским архитекторам с их мнением о том, что лучше сделать из той tabula rasa, которая образовалась в результате разрушений военного времени. Два видных архитектора, Григорий Бархин и Моисей Гинзбург, в конкурсе на перепланировку Севастополя выступали Морского ведомства и Академии архитектуры. Гинзбург не смог представить свою концепцию во всех деталях, поэтому поручение сделать эскиз полной реконструкции Севастополя было дано Бархину.

Главный архитектор города Севастополя Юрий Траутман возглавил тех, кто боролся за сохранение местных обычаев и традиций. Как и Бархин, Траутман стремился сделать акцент на военно-морском прошлом города, но он также хотел отдать дань всему прошлому Севастополя, а не только его роли в недавней войне. По мнению Траутмана, для нового неоклассического стиля города за образец нужно было взять руины Херсонеса, греческого города, основанного 2,5 тыс. лет назад, и находящегося прямо за городским центром. Более всего Траутман и его команда стремились исключить возможность создания памятников и прочих объектов, не имевших прямого отношения к Севастополю и его истории. Реставрация памятников героям Севастополя — в первую очередь, командующим времен Крымской войны Е. И. Тотлебену, В. И. Истомину, В. А. Корнилову и П. С. Нахимову, по значимости должна была превосходить возведение новых мемориалов теперешним лидерам. Архитектурный стиль Древней Греции также заложил бы основу городской идентичности на чем-то очень древнем и волнующем.

В отзыве 1945 г. на план Бархина для городских площадей группа экспертов из Москвы вторила севастопольским критикам, отмечая, что площадь Парадов по своему размеру

диссонирует с соседними зданиями[6]. В дополнение к этому они выразили недовольство тем, что военно-морские объекты и новая Панорама Великой Отечественной войны также слишком велики[7]. Бархин в целях агитации создал непропорционально большие здания — такие, как 100-метровый памятник «Слава», который бы возвышался над Площадью Парадов у древнего прибрежного въезда в город. Одна из комиссий сочла «Славу» чудовищным бельмом, которое стало бы мешать движению, парадам и демонстрациям в одной из самых значимых и красивых частей города[8]. Огромный памятник Сталину, спроектированный с целью польстить «великому организатору и вдохновителю победы», также по масштабу не соответствовал другим объектам[9]. Варианты Бархина по перепланировке площади Коммуны, площади Третьего Интернационала и Малахова Кургана также были подвергнуты критике. Его план в отношении площади Коммуны затрагивал Исторический бульвар, ключевой оборонный рубеж во время Крымской войны. Малахов Курган, холм, где во время Крымской войны происходили кровопролитные бои, унесшие жизни нескольких русских военачальников, также предполагалось подвергнуть перепланировке и сделать местом, где были бы собраны все памятники Крымской войны — что означало перемещение статуи Тотлебена и Панорамы Великой Обороны с Исторического бульвара. Перенос панорамы Крымской войны из центра города и замена ее новой панорамой Второй мировой войны был наглядным примером того, что Бархин намеревался сместить акцент с событий XIX в. на более недавние сражения. В совместном заключении трех архитектурных комиссий было сказано, что «даже принимая во внимание значение Севастополя как города-героя, города двух оборон», размах планов Бархина в отношении перепланировки центра был слишком велик[10].

В результате они не выдержали сопротивления местных жителей, которые хотели, чтобы памятники Крымской войны оставались на своих исторических местах в разных концах города, а не были перевезены в одну точку. Траутман, новый главный архитектор города Севастополя, в 1945 г. на ноябрьской комиссии в Москве представил новые взгляды на переустройство города и открыто выступил против плана Бархина. В начале 1946 г. Траутман представил встречное предложение, в котором он указал на то, что Бархин не знал и не принимал во внимание «местных условий и традиций»[11]. Он осудил Бархина за то, что тот делал перепланировку Севастополя так, как будто бы город был чистым листом, на котором можно было бы свободно творить и не принимать во внимание уже существующие здания, улицы и достопримечательности. То, что Бархин намеревался уничтожить Приморский и Михайловский бульвары — «традиционные места отдыха горожан и моряков», создав на их месте площадь Парадов, отражало его предельную незаинтересованность в местных традициях[12]. Пытаясь сохранить привычные для горожан здания и уменьшить стоимость реконструкции, Траутман критиковал Бархина за то, что тот предложил горкому партии и городской администрации строить дома на площади Коммуны и расширять главные транспортные артерии.

Траутман смог четко показать всем, что «абстрактный академизм» Бархина не соответствовал «реальным нуждам города», а потому не должен быть воплощен[13]. Траутман, с другой стороны, настаивал на том, чтобы он и его команда получили возможность «переработать эскиз центра города исходя из новых генеральных директив и более выгодных начальных условий»[14]. Под «новыми генеральными директивами» имелся в виду вышеуказанное ноябрьское постановление, в котором звучал призыв к скорейшему восстановлению объектов, представляющих архитектурную ценность, центров городов, жилья и улучшению условий повседневной жизни[15]. То ли потому, что план, представленный Траутманом, был лучше, то ли потому, что он хорошо согласовывался с последними веяниями официальной культурной политики, или же оба фактора сыграли свою роль — но эксперты взяли его разработки за основу для дальнейшей критики Бархина.

После того как эта группа из города выдвинула свои претензии и облекла их в надлежащие выражения культурной критики, группа экспертов, рассматривавших план, начала обращать внимание на проблемы масштаба, эстетики и символизма. В апреле 1946 г. архитектор А. Великанов, отмечая, что план Бархина был «академичным и абстрактным», выразил свое беспокойство относительно сохранности традиций и истории Севастополя. Он указал на то, что возведение площади Парадов будет посягательством на «особенные, привычные и наиболее памятные места Севастополя. ...Эти места вошли в литературные произведения, с ними связана вся история города и даже его героические обороны. Изменить облик города значит полностью уничтожить его и создать новый город, совершенной иной город, город, не имеющий непрерывной связи со старым Севастополем»[16].

Попытка Великанова вернуть Севастополь к его историческим корням стала опорой для доводов Траутмана и подкрепила основания для переработки плана Бархина таким образом, чтобы он соответствовал местным требованиям сохранения традиций XIX в. Другой критик выражал свое недовольство тем, что дизайнерские решения Бархина «не были связаны ни с традицией, ни с масштабом и обликом Севастопольского архитектурного ансамбля». Более того, он утверждал, что Бархин «слишком ударился в абстракционизм» и его предложение несло на себе «отпечаток абстрактного академизма»[17]. Принимая во внимание эти обвинения, Комитет по делам архитектуры официально отверг предложение Бархина и потребовал дальнейших усовершенствований в семимесячный срок, к середине ноября 1946 г.[18] Борьба, инициированная севастопольскими архитекторами и подхваченная их солидными коллегами в Москве, выдвинула нужды Севастополя на первый план. Траутман, используя официальную риторику, поддерживающую индивидуальность (антиформализм), смог обосновать свое неприятие плана Бархина, в котором чувствовалась большая неосведомленность. Одновременно, выступая от имени населения (правда, не всегда по их поручению), Траутман обеспечил себе место в истории – как архитектора города-героя с имперским прошлым[19].

Траутман не просто изменил концепцию Бархина относительно искусственной среды города — он и его команда использовали лингвистический символизм, а также обращали внимание на географию и эстетику. Использование рекомендации вице-адмирала Октябрьского, озвученной в 1945 г., о том, что «при наименовании площадей и главных улиц Севастополя необходимо принимать во внимание исторические события и имена организаторов и героев двух оборон [Крымской войны и Второй мировой войны] Севастополя», также принесло свои плоды[20]. То, что Октябрьский стоял во главе военно-морского флота и то, что во время войны он был командующим, безусловно, было важным. Более того, его желание увековечить в памяти две войны совпало с вновь появившимся у местных чиновников интересом к переосмыслению того, что значит «местный». Октябрьский и проектировщики города понимали, что именование мест помогает придать городскому пространству смысл и сделать его идентифицируемым. Для Октябрьского и других местных чиновников пересмотр биографии города через подчеркивание его принадлежности к России, военных подвигов и уникального греческого архитектурного наследия, должно было найти выражение в агитационных пространствах Севастополя.

Наименование и переименование улиц, площадей и парков было неотъемлемой частью послевоенной городской агитации[21]. Изменение названий предполагало смену политического курса. После революции 1917 г. улица Екатерины Великой была переименована в улицу Ленина (так она называется и сейчас). Но более показательным является то количество улиц, которым после Второй мировой войны были навсегда возвращены их дореволюционные названия. Навязчивая идея советских властей сделать революцию вездесущей привела к тому, что три улицы кольцевой дороги носили имена Ленина, Маркса и Фрунзе. Однако во время осуществленной Траутманом перепланировки последние две были переименованы в Большую Морскую и улицу Нахимова. Если рассматривать эти изменения как часть более масштабного плана, то это говорит о стремлении сделать акцент на местной идентичности, исторической глубине и национальной гордости. Михаил Фрунзе, командующий времен гражданской войны, играл важнейшую роль в «освобождении» Севастополя от немцев и белых после революции, но никто не считал его местным героем. Карл Маркс, конечно же, не имел никакой прямой связи с Севастополем — лишь через идеологию, под властью которой город существовал. С другой стороны, адмирал Нахимов стоит на вершине пантеона героев Крымской войны, так как именно он возглавил оборону города. Большая Морская улица, в отличие от улицы Карла Маркса, отражает идентичность Севастополя как приморского города, как военного, так и торгового порта. Возвращение дореволюционных названий может рассматриваться как отход от социалистических идеалов, но для стабильности и скорейшего восстановления города гораздо более важным было возрождение его уникального облика, такого, с которым его жители могли связывать свои идеалы и устремления. В социалистическом соревновании по скорости восстановления был замысел

восстановить «родной город Севастополь», и уже затем — социализм, что напоминает о возращении к русской идентичности во время войны[22].

Названия центральных площадей города также претерпели радикальные изменения. Местные проектировщики переименовали площадь Коммуны в площадь Ушакова, который также был одним из прославленных адмиралов города. Изменились целые районы. Из-за того, что татарское население за якобы имевшее место сотрудничество с немцами было выселено из города, Татарское поселение получило имя Зеленый холм. Менялись и здания. Еврейский караимский молельный дом стал спортивным клубом «Спартак»; мечеть с низведенными минаретами и стертыми с фасада цитатами из Корана стала военно-морским архивом. Осознанное возвращение к традициям означало русскую идентичность, облаченную в греческие архитектурные формы, однако любые намеки на другие идентичности исключались. Для сплоченности местного населения было необходимо визуальное единообразие. Однако для привлечения в город рабочей силы символизм был бы минимально эффективным, если бы люди не были обеспечены едой и жильем.

Жилье

Термин «забота», часто употребляемый с отсылкой к Сталину, повсеместно использовался в советской прессе после Второй мировой войны, особенно в дискуссиях о планах по тотальному восстановлению городов, которое стало необходимым в результате разрушительного немецкого вторжения. Хотя было бы неверным говорить о том, что советская архитектура была ориентирована исключительно на нужды индивида, будет также некорректным отрицать и то, что в советском градостроительстве центральная роль отводилась жилищному вопросу. Массовое перемещение людей вследствие войны и экономические потери вели к необходимости создания программ по улучшению стандартов жизни, а также обеспечению легитимности власти и лояльности населения. Согласно обещаниям советского государства, детально изложенным в сталинской Конституции 1936 г., каждый член общества должен был быть обеспечен работой, образованием, медицинским обслуживанием, пенсией и возможностями досуга. По негласному quid pro quo (услуга за услугу — лат.), от общества требовалось сохранение спокойствия. Те, кто подчинялся правилам игры, должны были быть вознаграждены; те же, в ком видели нарушителя правил, должны были быть наказаны и отлучены от милостей государства. Но Конституция была не единственной формой «заботы»[23]. Бюрократы и специалисты должны были претворить эти предписания в жизнь. Обеспечение материальных нужд населения, пусть и с недочетами в выполнении задач, было необходимым для того, чтобы привлечь внимание к социалистическим идеалам и светлому будущему, которое вот-вот должно было наступить. Неспособность государства

обеспечить население хотя бы жильем могла привести к негативной реакции в разных сегментах общества, которые осмелели и/или были разгневаны из-за военных потерь. В 1948 г. в телеграмме Маленкову Сталин ясно дал понять — он опасается того, что жители Севастополя будут рассержены скудным государственным снабжением[24].

В то время как архитекторы и проектировщики из Севастополя вырывали контроль над генеральным планом по восстановлению города из рук московских функционеров, для того чтобы он соответствовал местным нуждам, — на плечи севастопольских руководителей легла большая часть забот о планировании и подготовительных работах в городе. Члены севастопольского правительства и бюрократического аппарата разрывались между своими обязанностями по отношению к государству и желанием помочь своим друзьям и соседям, живущим в нищете. Профессиональная этика и противоречащие ей требования государства или партии часто сталкивались в умах градостроителей, архитекторов, врачей, профсоюзных лидеров и экономистов. Эти группы историк Линн Виола называет «гибридными» — они «оказались между обществом и государством» и им пришлось «стать трансляторами политики, языка и потребностей»[25], одновременно пытаясь найти баланс между своей профессиональной, политической и общественной сторонами. Более того, у многих из этих групп были конкурирующие интересы, что вело к поискам «козлов отпущения» как «адаптационной стратегии» или «стратегии самозащиты»[26].

В результате войны целые города оказались полностью разрушены, поэтому в послевоенный период местным чиновникам было необходимо правильно расставлять приоритеты для того, чтобы использовать скудные ресурсы с максимальной пользой. Во многих городах главным приоритетом было строительство жилья, особенно там, где людям приходилось жить, где придется, или самим строить себе какое-то жилье. Большинство эвакуированных жителей вернулись в разрушенные жилища; зачастую им приходилось сталкиваться с теми, кто самопроизвольно поселился в их домах[27]. Для поддержания здоровья людей были необходимы хорошие санитарные условия, медицинское обслуживание и нормальная еда — тот минимум, который гарантировал бы наличие здорового работоспособного населения. Может быть, менее важным, но в какой-то степени необходимым было украшение городов, ведь это продемонстрировало бы достижения восстанавливаемого государства и создало хотя бы иллюзию «возвращения к нормальной жизни» и даже прогресса — для многих людей так оно, скорее всего, и было[28]. Но можно было и обеспечить людей жильем, и наладить систему здравоохранения, и украсить города. Новый парк с дорожками, скамейками, деревьями и цветами не только украшал город, но был также хорошим местом для занятия спортом, отдыха и восстановления сил. Просторные и отвечающие всем требованиям дома могли, с одной стороны, радовать прохожих своими фасадами, а с другой, благодаря своим размерам и имеющимся удобствам, препятствовать распространению инфекций в перенаселенных и плохо убранных жилищах[29]. Часто повторяемые требования об улучшении

жилищных стандартов зачастую противоречили реальности, но необходимо отметить, что на местном уровне неоднократно предпринимались попытки исполнить чаяния населения. Во время тяжелых лет Второй мировой войны попытки выполнения планов оставляли желать лучшего, так как деньги, трудовые ресурсы и сырье, которых и так недоставало, были необходимы для более неотложных нужд.

Жилищные условия и строительство

Жилой фонд Севастополя был уничтожен, и в центре города осталось только семь полуразрушенных зданий[30]. Вопрос о пригодности построек для жизни был спорным, однако журналист Хэрисон Салисбэри замечает: председатель городского исполнительного комитета заявил, что любое здание с тремя стенами и потолком можно восстановить[31]. Только 500 из 15 тыс. городских жителей узнали об этом заявлении, как пишет советский журналист и драматург Борис Войтехов[32]. Начальник городского планирования Тамара Алёшина говорила о «жилищном кризисе, [который] из года в год углубляется», и она продолжала жаловаться на севастопольский жилищный кризис в переписке на протяжении, по крайней мере, четырех лет после освобождения[33]. Кризис усугублялся в первую очередь потому, что строительство не могло справиться с потоком новых рабочих. Алёшина становится одним из наиболее важных специалистов и представителей местной власти в деле защиты строительства, ориентированного в большей степени на людей.

Несмотря на очевидные жилищные разрушения, первые ориентированные на Москву планировщики послевоенного Севастополя мало заботились о жилищном вопросе, и большинство горожан вынуждены были сами строить жилье за пределами городского центра. Жилищная фаза развития началась примерно пятью годами позже. Для некоторых, например, для подростка Михаила М., это означало жизнь в пещере без воды, канализации или тепла до 1956 г.[34] Одна маленькая девочка и остатки ее семьи вынуждены были найти убежище в подвале Госбанка, единственной сохранившейся части здания[35]. Лилия К., хотя и жила в центре города на улице Ленина, страдала в спертом, прогнившем воздухе полуподвального помещения разбомбленного дома с грызунами и большими мухами, постоянно напоминающими об антисанитарии[36]. В рабочих бараках пригородов царил дух товарищества, но Зоя И. помнит холодные зимние ветра, которые прорывались через наспех построенные деревянные бараки с окнами из толя и широкими щелями между досками[37]. Лачуги начинали появляться в оврагах по всему городу, приближая, таким образом, жителей города к стоячим водоемам — источникам эпидемий. Еще в 1951 г. 75 человек ютились на Советской улице, главном центральном возвышении, на 150 квадратных метрах сырых, темных, холодных лестничных клеток и ванных комнат в разрушенном здании, где вода стекала по

стенам[38]. Везде, где можно было найти незанятое место и достаточное количество грубых строительных материалов, возникали дома.

Нехватка подходящего жилья в городе оставалась одной из самых главных проблем; все больше и больше людей — как добровольцев, так и «мобилизованных» — участвовало в восстановлении города-героя. Большинство новых рабочих сталкивалось в Севастополе с невыносимыми условиями жизни. Молодые рабочие редко оставались после шестимесячного периода обучения, что приводило к нехватке квалифицированных строителей и к необходимости постоянно мобилизовать и обучать новых рабочих. Даже в конце ноября 1953 г., после того как жилищные условия в городском центре были значительно улучшены, служащий банка, анализируя высокую стоимость строительства, отметил, что в одном строительном тресте 1457 новых рабочих прибыло, но 834 уехало. Около 20 тыс. рабочих дней были потеряны за первые 10 месяцев 1953 г. Чиновник видел причину самовольных уходов в низком уровне дисциплины, большом расстоянии между домом и работой и низкой заработной плате[39]. Но эти процессы в Севастополе не были уникальными. Историк Дональд Филтзер показал, что после Второй мировой войны уровень текучки кадров и дезертирства оставался высоким в таких приоритетных секторах экономики, как горнодобывающая промышленность, строительство, производство чугуна и стали. Более того, судебная система часто не могла преследовать рабочие нарушения и дезертирство, что, вероятно, ободряло других потенциальных дезертиров[40].

В связи с постоянным сокращением числа рабочих, живущих в палатках и подземных убежищах, многие начальники фабрик без одобрения Москвы начинали строить свои собственные бараки, не дожидаясь выполнения Москвой ее обещаний. Городской строительный инспектор, который должен был отвечать за любые опасные сооружения, не соответствующие требованиям, начал выдвигать обвинения против строительства зданий, которые не были запланированы и утверждены[41]. Главный городской архитектор, понимая, что жилье для рабочих было необходимым, призывал прокурора игнорировать строительные нормы и незаконное строительство[42]. Еще в 1950 г. городские архитекторы выступали за строительство незаконных деревянных бараков вопреки возражениям прокурора, потому что несколько фабрик нуждались в жизненном пространстве[43]. Но прокурор часто выступал против или игнорировал жалобы строительных инспекторов по поводу незаконных административных зданий, столовых и т. д. Судебная власть также потерпела крах в попытках наказания строительных трестов, которые воровали камни из археологических раскопок, чтобы использовать их в качестве строительного материала[44]. Строительные инспекторы были обязаны сообщать о нарушениях, но архитекторы и начальники фабрик, остро понимающие условия жизни в Севастополе, нарушали закон, желая обеспечить рабочих жильем и, таким образом, уменьшить их отток и необходимость обучения новых рабочих. Для части населения жизнь стала легче из-за местных инициатив, несмотря на правовые ограничения.

Чиновники были вынуждены действовать как в соответствии с государственным заказом, так и с учетом общественных нужд, которые зачастую противоречили друг другу.

Местные средства массовой информации нередко старались приукрасить тягостное состояние рабочих жилищ, но жалобы были слишком частыми, чтобы их игнорировать[45]. Газетные фотографии демонстрируют общежитие ФЗО со шторами, кроватями, подушками, одеялами, тумбочками со скатертями и большими букетами цветов в качестве приветствия для новых рабочих. Реальность, тем не менее, значительно отличалась от фотографий[46]. Только спустя два месяца после приглашения фотографов рабочие из того же общежития жаловались в главной городской газете на то, что в библиотеке не было библиотекаря, а в больнице — медсестры. Более того, постоянным предметом жалоб в послевоенное десятилетие была ужасная и однообразная еда в столовой[47]. Другие рабочие сетовали на отсутствие мест для умывания, стирки белья или приготовления пищи[48]. Последние жалобы также проливают свет на причины эпидемий, регулярно повторявшихся в домах рабочих. Работа фотографов была попыткой убедить широкие слои населения в том, что власть удовлетворяла потребность в жилье, но она не могла скрыть беспорядков среди рабочих-студентов, которые требовали настоящего внимания к своим нуждам.

Общественное здоровье: болезни, медицинское обслуживание и продовольственное обеспечение

При таком ужасающем жилищном кризисе и антисанитарии вспышка инфекционных заболеваний была неудивительной в городе, который становился все населеннее день ото дня. В течение четырех лет после освобождения человеческие фекалии плавали в Артиллерийской бухте рядом с главным городским парком[49]. Городской санитарный инспектор заявил в 1946 г., что «Севастопольская бухта одна из лучших в Европе… [но] фекальные воды продолжают поступать в нее». Многие из них, утверждал он, поступали из старой канализационной системы, построенной в 1912 г., и «особых предприятий», выбрасывающих отходы на пляжах в объеме 7 тыс. кубических метров в день. Заявление об «особых предприятиях» послужило косвенным обвинением военно-морского флота в загрязнении. Инспектор полностью связывал антисанитарные условия «мест массового купания населения и Красного Флота» с возбуждением желудочно-кишечных заболеваний[50].

Перенаселенность становилась серьезной проблемой, так как быстро увеличивающееся послевоенное население обостряло проблему городских разрушений перегрузкой скудного муниципального обслуживания. Статистиками было подсчитано, что человеку требуется 9 кв. метров жизненного пространства, чтобы предотвратить избыточную плотность населения и накопления отходов и болезней[51]. К марту 1948 г. санитарные нормы в Севас-

тополе были на 3 метра меньше, чем было необходимо для того, чтобы считать их благоприятными для здоровья, и люди продолжали жить во временных жилищах, для которых подсчитывались только количественные показатели, но которые были далеки от достойного качества жизни[52]. Неизбежным результатом отсутствия в этих местах городских служб были постоянно возникающие серьезные проблемы в общественном здравоохранении. Даже старшие морские офицеры вынуждены были жить со своими семьями в подвалах без воды и туалетов[53].

В начале июля 1944 г. главный санитарный инспектор заметил многократные случаи высоких показателей инфицирования и предпринял временные меры по пресечению дальнейших вспышек. Противоэпидемические комиссии организовывали еженедельные или ежемесячные очистительные кампании, но из-за недостатка мусорных контейнеров и транспорта для вывоза мусора и нечистот было трудно добиться успеха. Из-за того что баня не работала до начала июля, жители были вынуждены принимать душ в отдаленной больнице № 2 или на дезинфекционной станции. В общежитиях не хватало душевых, парикмахерам требовались дезинфицирующие средства и место для работы, а питьевой воды было всего лишь 7–8 л на человека в день. Пищевое обслуживание, как заметил санитарный инспектор, было немногим лучше. Персоналу не хватало подходящей одежды, и он работал в антисанитарных условиях с земляным полом и недостроенными стенами. У главного инспектора было только четыре помощника вместо девяти, он рассматривал только абсолютный минимум, необходимый для эффективного контроля над вспышками, на самом деле проблемы могли быть гораздо хуже, чем говорилось в докладе. Отсутствие достаточного количество сотрудников означало, что санитарные инспекторы не могли выявить нарушения и эффективно обеспечить соблюдение санитарных норм[54]. От специалистов здравоохранения их профессиональная культура требовала внимания к общественным нуждам, даже если государство не могло предоставить ресурсы, необходимые для соответствия минимальным стандартам здравоохранения.

При всех этих недостатках в городе, разоренном войной, список заболеваний в первое время был на удивление невелик: 1 случай тифа, 57 дизентерии, 60 гриппа, 1 коклюша, 53 малярии и 1 рожистого воспаления[55]. Неудивительно, что большинство случаев дизентерии и тифа (распространенные заболевания при перенаселенности) были выявлены в рабочих общежитиях, что являлось одной из причин текучки кадров[56]. Годом позже, в 1945 г., жилищные условия были немногим лучше, и местные власти начали указывать на неудовлетворительные жилищные условия как причину многих эпидемий. По меньшей мере в одном общежитии муниципального строительного треста были заплесневелые матрасы и часть постельного белья, высокие кучи мусора и столовая в подвале с земляным полом и неоштукатуренными стенами[57]. Проблемы были очевидны: недостаток врачей, госпитальных кроватей, мусоровозов, постельного белья, мыла и многого другого; но так как большая

часть европейской части СССР лежала в руинах, власть просто не могла достичь этих целей в короткие сроки, если бы даже сильно хотела[58].

Местные медицинские специалисты оставались общественно активными в борьбе с распространением инфекционных заболеваний, а архитекторы, планировщики и фабричное руководство пытались решить жилищный вопрос[59]. Несмотря на то, что в городе в то время было всего около 100 врачей, на протяжении года они провели более 2300 лекций, 5800 массовых дискуссий, семь радио-лекций, и написали восемь газетных статей. Основную аудиторию составили заводские рабочие, городские служащие, школьники, колхозники и студенты училищ. Неизвестно, стала ли эта работа с общественностью катализатором изменений, но распространение многих заболеваний резко упало. Все формы тифа пошли на убыль на рубеже 1945 и 1946 гг. Случаи заболевания менингитом и коклюшем тоже стали менее частыми. Самое резкое снижение наблюдалось в случаях заболеваний малярией (с 85,1/10 000 до 19,8/10 000). Прививки против сыпного тифа, более широкое применение карантинов и развитие малярийных станций — все это способствовало замедлению распространения некоторых инфекций.

Несмотря на эти достойные уважения изменения, другие эпидемии, с которыми было сложнее бороться, продолжались. Туберкулез оставался вне контроля, было более чем 2500 инфицированных, 52 из которых умерли в 1946 г. (в том числе трое детей). Бушевали дизентерия, скарлатина и корь. Случаи заболевания дизентерией в 1946 г. увеличились почти в 10 раз (примерно в 7 раз в процентах от числа населения), случаи заболевания скарлатиной и корью удвоились[60]. Перенаселенность, большое количество неочищенной воды, нечистое белье и отходы (человеческие и другие), засоряющие улицы и бухты, сделали эти эпидемии неминуемыми. Послевоенный демографический бум драматичным образом повлиял на здоровье людей города. Появление каждого нового человека вело к еще большей переполненности и растрачиванию ограниченных ресурсов пищи и медицинского обслуживания. К сожалению, с увеличением численности населения и трат не было увеличено количество мусорных баков и транспортных санитарных средств. Муниципальные власти неоднократно жаловались, что строительные, потребительские отходы и отходы жизнедеятельности человека оставались на улицах, потому что было слишком мало машин и телег для их вывоза[61].

Для местных властей и специалистов необходимость разрешения этих проблем была очевидной, пусть и не достижимой в короткие сроки. Потребность государства в большем количестве рабочих и быстром восстановлении города значительно влияла на общество. На местную власть ложилась задача решения наиболее сложных проблем. Поскольку быстрое улучшение жилищной проблемы было невозможным, а недостаток техники приводил к тому, что мусор и нечистоты оставались на улицах долгое время, городская администрация принимает решительные меры в целях борьбы с болезнями. Помимо общегородских очистительных кампаний весной и в течение года, открываются четыре пионерских лагеря для

того, чтобы дети проводили время за пределами антисанитарного города. Каждый ребенок еженедельно принимал душ и имел возможность купаться. Чистое белье каждую неделю и достаточное количество качественной пищи везде было нормой, кроме лагерей флота[62]. То, что являлось обычной практикой на всей территории СССР, было спасением для севастопольских детей в летнее время.

Основной упор делался на укрепление здоровья детей[63]. Вспышка скарлатины в 1949 г. привела к закрытию городских школ и дезинфекции всех книг в школьной библиотеке[64]. Регулярно делать прививки против тифа и дизентерии для всех жителей старше восьми лет начали в 1947 г., однако это начинание потерпело неудачу. Кроме того в 1949 г. городское правительство инициирует новые меры по очистке общежитий и дезинфекции белья с целью предотвратить дальнейшее распространение тифа[65]. Власть также вложила средства в вакцину против дизентерии, которая была совершенно неэффективна. Во время голода 1946–1947 гг. рабочие мигрировали в Севастополь, многие приносили с собой вшей. Мобилизованные рабочие из Молдовы и Украины имели такое плохое здоровье, что были предрасположены к заболеваниям. Врачебная комиссия высказала предложение, что лучше вернуть их обратно, чем заражать население и создавать конкуренцию за ограниченные ресурсы. Недоукомплектованные и перегруженные работой строительные союзы попросту отказывались принимать большую часть этих призывников, так как стоимость размещения была больше, чем польза от них[66]. В одном отчете отмечалось, что больные молдавские рабочие продавали свое белье, таким образом, похоже, распространяя инфекцию. В том же 1947 г. единственная функционирующая городская баня была временно закрыта из-за недостатка топлива и электричества[67]. Вспышка бешенства привела к тому, что городское правительство потребовало вновь зарегистрировать всех собак и объявить карантин для служебных, так как они могли быть инфицированы[68]. Так как случаи бешенства продолжались, город организовал группы охотников для отстрела бродячих собак и кошек и предлагал награду за каждую из них[69]. Чума в близлежащем районе Кача в 1949–1950 гг. привела к объявлению двухмесячного карантина, дезинфекциям и раздаче специальной одежды и перчаток для владельцев свиней[70]. Несмотря на усилия муниципальных и медицинских работников, они не смогли полностью предотвратить болезни.

Даже получение обычной медицинской помощи было затруднено из-за того, что качество и количество госпиталей и больниц оставалось неудовлетворительным, и некоторые части города оставались без медицинского обслуживания долгие годы. Скорой медицинской помощи еще не было на протяжении нескольких лет, за исключением трех центров скорой помощи; в больнице № 2 имелись две лошади[71]. Один старший лейтенант жаловался на многочисленные машины, которые проезжали мимо беременных и больных женщин и мужчин на костылях, бредущих по обочине дороги. Командующий Черноморским флотом позже издал приказ, который обязывал горожан и моряков подвозить пассажиров[72].

К нехватке транспорта добавился недостаток самого основного оборудования, например, рентгеновских аппаратов, что делало диагностику некоторых заболеваний невозможной[73]. Условия многих госпиталей и больниц были настолько плачевны, что состояние здоровья могло ухудшиться во время лечения. В хирургическом отделении главной городской больницы протекала крыша и была незащищенная электропроводка, которая, по мнению главного хирурга, могла привести к поражению электрическим током[74]. К тому же, из-за недостатка пригодных для жизни зданий в первые годы после войны Институт физиотерапии имени И. М. Сеченова, которому был нанесен серьезный ущерб, являлся одновременно местом размещения инфекционной больницы, лагерем тех, кто самовольно заселился в здание, и клубом мотоциклистов. Больные туберкулезом могли свободно бродить по пляжу за пределами института бок о бок со здоровым населением[75]. Когда в 1950-х гг. начался ремонт, рабочие обнаружили в здании множество неразорвавшихся боеприпасов[76]. Из-за отсутствия достаточного количества государственных ресурсов местные власти должны были импровизировать и использовать даже самые опасные материалы для строительства и здравоохранения. Неспособность лечить и должным образом изолировать заразных больных продолжала быть причиной постоянного беспокойства, и, безусловно, способствовала распространению эпидемий.

Несмотря на жалобы и петиции, поступавшие из Севастополя годами, улучшение в общественном здравоохранении, в жилищном вопросе и строительстве началось только после приказа Сталина в конце 1948 г., требовавшего закончить восстановление города за «3–4 года»[77]. В Севастополе должны были дополнительно возвести больницы, приобрести транспорт для вывоза мусора, обеспечить снабжение горожан водой и канализацией и построить общественные бани. Однако быстрый рост населения сводил на нет многие из этих достижений. Город был по-прежнему перенаселен; продолжалось строительство жилья без удобств — а значит, продолжались и эпидемии, но они носили менее угрожающий характер. У нас нет четких и всеохватывающих статистических данных об инфекционных болезнях в Севастополе, но тот факт, что постоянной темой дискуссий оставался лишь туберкулез, можно предположить, что многие другие заболевания стали лучше контролироваться, а также что жилища стали менее переполненными, доступ к душу и питьевой воде улучшился, и население стало более осведомленным о санитарии и других профилактических мерах. Но даже в 1949 и 1950 гг. младенческая смертность в городе оставалась в процентном соотношении выше, чем средняя по области[78]. В течение четырех лет, от освобождения до сталинского декрета о восстановлении города, местная власть и врачи осуществляли разнообразную программу оздоровления местного населения с минимальной затратой государственных ресурсов. В их докладах в Москву постоянно сообщалось о беспорядке, царившем в городе, и Москва в конце концов их услышала.

Архитекторы смоделировали каждый элемент, от географического расположения и номенклатуры до архитектурного стиля и мемориалов для того, чтобы создать для Севастопо-

ля уникальные агитационные пространства и места идентификации. Хотя многие до сих пор верят в эгалитарные идеи социализма, социальные потрясения 1930-х гг. извратили их до неузнаваемости и привели к отказу от того, что многие считали настоящей природой социализма[79]. Мужчины и женщины, которые заселяли город сразу же после его освобождения в мае 1944 г., приступили к восстановлению своих домов и жизни. Военно-морские и местные власти воспользовались отвлечением внимания центральной власти на войну и повсеместные разрушения на западных пространствах СССР для того, чтобы сформулировать и представить реальной свою версию прошлого, настоящего и будущего Севастополя. Как только в 1942 г. оборона города потерпела крах, военные и пропагандисты начали проводить параллели между двумя оборонами — Крымской войны и Великой Отечественной войны. После освобождения в 1944 г. это направление продолжало развиваться, и военные воздвигли мемориалы в честь героев и в память о жертвах. Это продолжило сложившуюся традицию, а также подчеркнуло историческое наследие города. Военные и гражданские власти боролись против «внешних» тенденций, которые стремились изменить идентификацию города с русской историей, и подчеркивали продолжающуюся местную традицию захоронением героев второй обороны рядом с героями прошлого. Благодаря освещению в прессе, образовательным экскурсиям, повсеместному возведению памятников и переименованию улиц и площадей, жители и гости города в равной степени погружались как в агитационное пространство, так и в пространство, связанное с военно-морским наследием города.

«Доминирующим мифом», если заимствовать термин Амира Вейнера[80], была военная служба, но, в отличие от исследования Вейнера, которое показывает, что служба на протяжении Второй мировой войны позволила забыть многие грехи, у города Севастополя был еще «мета-миф», который стремился проектировать и защищать образ выдуманного городского общества. Импульс для восстановления Севастополя был похож на возрождение героических событий прошлого и людей конца 1930-х гг., которые являлись суррогатом для великой советской цели[81]. Тем не менее, для Севастополя возрождение истории было чем-то большим, чем просто «русскоцентризмом», оно было основано на памяти о местных героях, таких как офицеры Крымской войны, которые защищали русскую землю. Эта версия истории импонировала целям военно-морских и местных властей. Таким образом, более сильная связь с местной историей и традициями посредством возведения памятников и переименования улиц, часто в ущерб прославлению СССР, вероятно, была более эффективной в создании стабильности и ощущения наличия миссии, чем абстрактный марксизм-ленинизм-сталинизм.

Агитация стала дополнительным методом создания и/или укрепления преданности и стабильности после массовых миграций и недовольств военного времени. В Севастополе первым жителям нужно было закрепляться на своих новых местах, когда обострилась «холодная война», и текущие проблемы с размещением потребовали выбора другой стратегии.

Во время дефицита Москве пришлось выделить и направить в Севастополь практически все товары. Более того, образы военно-морского прошлого города (часть его обязательной идентификации) неявно связывали Севастополь с Русской Родиной (его родственной идентификацией). Стратегия заселения и агитации помогала создавать родственную связь с центром. В обмен на товары и сохранение городского наследия прошлого, Севастополь будет продолжать защищать Родину, а не бунтовать, как это было в дореволюционный период. По сути, это был своего рода двусторонний общественный договор, в котором обязанностью Москвы было поставлять материалы, а Севастополя — обеспечивать лояльность моряков.

Планировщики, в конечном счете, выработали план городской реконструкции для удовлетворения нужд населения. Москва направляла дополнительные ресурсы для города-порта и его жителей. Неспособность мгновенно улучшить положение в городе объяснялась большой нехваткой ресурсов в регионе и стране из-за разрухи после Второй мировой войны. Города и строительная промышленность были уничтожены, массовая гибель людей привела к сокращению количества квалифицированных рабочих в СССР. После 1948 г., когда промышленность восстановилась, в городе появились квалифицированные строители, стало возможным решить многие задачи по восстановлению. Конечно, советские граждане не получили всего, чего они хотели, или что было им необходимо, но в Севастополе возникли многочисленные парки, кинотеатры, театры и даже цирки, чтобы обеспечить досуг и комфорт жителям города-героя.

Вынужденные действовать в рамках государственного планирования, не учитывавшего реальные условия жизни людей, местные власти защищали, убеждали и нарушали закон для того, чтобы сократить пропасть между планом и реальностью, и проявляли реальную озабоченность повседневной жизнью горожан. Говоря кратко, местная власть пыталась осуществить «сталинскую заботу о личности» не просто на словах, а «привязать» рабочих и горожан к городу сочетанием улучшения жилищных условий и созданием уникальной, героической биографии города.

---

[1] Перевод на русский язык — А. Дудиной и А. Хабибуллиной.

[2] О подготовке кадров для севастопольского строительного треста (Севастопольстрой) см.: Государственный архив города Севастополя (далее — ГАГС). Ф. Р–182. Оп. 1. Д. 36. Л. 11. Годовой отчет о трудовых ресурсах см. в: ГАГС. Ф. Р–182. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

[3] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А–150. Оп. 2. Д. 20. Л. 1.

[4] *Edelman M.* The Symbolic Uses of Politics. Urbana, 1985. P. 6.

[5] О перепланировке Москвы см. также: *Day A.* The Rise and Fall of Stalinist Architecture // Architectures of Russian Identity, 1500 to the Present / J. Cracraft, D. Rowland, eds. Ithaca, 2003. P. 172–192.

[6] Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 9432. Оп. 1. Д. 241. Л. 11–12.

[7] РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 241. Л. 126–131.

[8] Там же. Д. 243. Л. 42–43 об.

[9] ГАГС. Ф. Р–79. Оп. 2. Д. 30 а. Л. 9.

[10] Место городов в пантеоне героев обеспечило им высокий статус в прессе и особое внимание во время послевоенного восстановления. Города-герои должны были стать местами памяти. Фраза «Город двух оборон» стала очень популярно во время Второй мировой войны, так проводились параллели между борьбой с нацистами и обороной города во время Крымской войны.

[11] РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 243а. Л. 52.

[12] Там же. Л. 55.

[13] Там же. Л. 57.

[14] Там же. — Курсив наш.

[15] ГАРФ. Ф. А–150. Оп. 2. Д. 20. Л. 1.

[16] РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 243а. Л. 5–8; ГАГС. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 21. Л. 28–31; цит. по: РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 243 а. Л. 8, 7. — Стоит обратить внимание на то, что он использует слово «оборона» во множественном числе, указывая на связь Второй мировой войны и Крымской войны.

[17] Решение Дирекции Планирования и Строительства в отношении плана Бархина см. в: РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 243. Л. 106–110; ГАГС. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 21. Л. 55–59; РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 154. Л. 159–163.

[18] РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 243. Л. 111–115; Д. 154. Л. 155–158.

[19] Дочь Бархина вплоть до 1980-х гг. продолжал утверждать, что ее отец является истинным архитектором Севастополя. См.: *Бархина А. Г.* Г. Б. Бархин. М., 1981.

[20] ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 5. Д. 279. Л. 16–18.

[21] Сравнительный анализ других советских переименований см. в: *Murray J.* Politics and Place-Names: Changing Names in the Late Soviet Period. Birmingham, 2000.

[22] О росте «русскости» в 1930-е гг. и после см. в: *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, 2002; *Maddox S.* These Monuments Must Be Protected! The Stalinist Turn to the Past and Historic Preservation during the Blockade of Leningrad // Russian Review. Vol. 70. 2011. N 4. P. 608–626.

[23] Анализ того, как советские власти различными способами пытались успокоить население и удовлетворить хотя бы него некоторые потребности в товарах и досуге, был проведен в целом ряде работ. См., например: *Dunham V.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Durham, 1990. P. 15–19; *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1997. P. 238–279; *Timasheff N.* The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. Chapter 12. N. Y., 1946; *Zubkova E.* 1) Russia After the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957. N. Y., 1998. P. 68–73; Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М., 1999.

[24] Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. Д. 109. Л. 106; копия сделана в: the United States Library of Congress Manuscript Division c/o Volkogonov Holdings Box 23, Wheel 16. — Мы благодарим Пера Брудерстена за то, что он сообщил нам об этом документе.

[25] Introduction // Contending with Stalinism: Soviet Power and Popular Resistance in the 1930s / Lynne Viola, ed. Ithaca, 2002. P. 12.

[26] Эти термины взяты из книги: *Harris J.* Resisting the Plan in the Urals, 1928–1956: Or, Why Regional Officials Needed "Wreckers" and "Saboteurs" // Contending with Stalinism / L. Viola, ed. P. 202. — Он делает предположение о том, что некорректно использовать термин «сопротивление» для чиновников, которые проявляли открытую инсубординацию, но были одновременно и преданными большевиками. Гаррис развивает эти идеи в книге:

Harris J. R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca, 1999), 4–6, passim. — Грета Бачер также подчеркивает то, что поиск «козлов отпущения» среди бюрократии и перекладывание ответственности было характерным в обеспечении продовольствием женщин. *Bucher G.* Women, the Bureaucracy and Daily Life in Postwar Moscow, 1945–1953. N. Y., 2006. P. 6–9.

[27] О послевоенных проблемах возвращения собственности после возвращения из эвакуации см.: *Manley R.* "Where Should We Resettle the Comrades next": The Adjudication of Housing Claims and the Construction of the Postwar Order / Fürst J. Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention. London, 2006. P. 233–247.

[28] Представляется, что многие (если не большинство) ожидали не возвращения к «нормальности» кризисного общества, а уменьшения случаев репрессий и расширения послаблений военного времени, а также некоторого внимания к материальным нуждам. См.: *Edele M.* A "Generation of Victors?": Soviet Second World War Veterans from Demobilization to Organization, 1941–1956": Ph. D. diss. Chicago, 2004, особенно главу 7; *Varga-Harris C.* Constructing the Soviet Hearth: Home, Citizenship and Socialism in Russia, 1956–1964: Ph. D. diss. Urbana-Champaign, 2005. P. 8–9; *Zubkova E.* Russia After the War, главы 1, 3.

[29] Более детальную разработку этих и других проблем, включая образование, см. в: *Qualls K.* From Ruins to Reconstruction, глава 4.

[30] История города-героя Севастополя, 1917–1957; ГАГС. Ф. Р–359. Оп. 1. Д. 10. Л. 18.

[31] *Salisbury H.* Russia on the Way. N. Y., 1946. P. 317. — Советское определение термина «пригодный для жизни» остается непонятным.

[32] *Voitekhov B.* The Last Days of Sevastopol. N. Y., 1943. P. 105–106.

[33] РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 241. Л. 27; ГАГС. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 68, l. 2; Ф. Р–359. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

[34] Интервью с Михаилом М. (Севастополь, Украина, 2004).

[35] ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 7. Д. 212. Л. 14.

[36] Интервью с Лилией К. (Севастополь, Украина, 2004).

[37] Интервью с Зоей И. (Севастополь, Украина, 1997).

[38] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 404. Л. 3–10.

[39] ГАГС. Ф. Р–359. Оп. 1. Д. 201. Л. 78–88.

[40] *Filtzer D.* Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II. Cambridge, 2005, глава 5.

[41] ГАРФ. Ф. А–150. Оп. 2. Д. 987. Л. 139–189; ГАГС. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 71. Л. 58.

[42] ГАГС. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 112. Л. 58.

[43] Там же.

[44] Там же. Д. 25. Л. 90; Д. 64. Л. 1–20; Д. 71. Л. 3–11. — Депутат городского совета также поручил прокуратору не предпринимать действий против нарушений в распределении продовольствия. См.: Там же. Оп. 2. Д. 111. Л. 38–42.

[45] О жалобах в московских газетах касательно бедственного положения строительства см.: *Varga-Harris C.* Green is the Color of Hope?: The Crumbling Facade of Postwar Byt Through the Public Eyes of "Vechernaia Moskva" // Canadian Journal of History. Vol. 34. 1999. N 2. P. 193–219.

[46] См.: Слава Севастополя. 1948. № 1. 7 декабря.

[47] Письма трудящихся // Слава Севастополя. 1949. № 1. 11 февраля.

[48] Нам пишут: не созданы элементарные бытовые условия // Слава Севастополя. 1948. № 2. 10 декабря.

[49] ГАГС. Ф. Р–359. Оп. 1. Д. 4. Л. 32–39 об.

[50] Там же. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 65. Л. 10–12.

[51] Так называемые «санитарные нормы» колебались между шестью и девятью метрами на челове-

ка. См. лучшее исследование о жилищной политике в течение трех десятилетий после войны: *Dimaio A. J., Jr.* Soviet Urban Housing: Problems and Policies. N. Y., 1974. — См. также работы технического планировщика: *Левченко Я. П.* Городская черта и генеральный план // Проблемы советского градостроительства. 1949. № 2. С. 53–56; Зонирование городов по характеру застройки // Проблемы советского градостроительства. 1947. № 1. С. 18–23; и два учебных издания по планированию: Планировка городов: технико-экономические показатели и расчеты. М., 1952; Технико-экономические основы планировки поселков. М., 1944.

[52] РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 241. Л. 26–35; ГАГС. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 68. Л. 1–4.

[53] Интервью с Лилией К. (Севастополь, Украина, 2004).

[54] ГАГС. Ф. Р–359. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–5 об.

[55] Там же. — У нас нет точных статистических данных о населении этого периода в июле 1944 г. Мы знаем, что 10 787 человек были зарегистрированы в городе к 20 мая 1944 г., и что к концу года население достигло 38 783 человек (ГАГС. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 65. Л. 12). Это означает, что случаи тифа, коклюша и рожистого воспаления были 0,93/10 000 и 0,26/10 000. Случаи дезинтерии: 53/10 000 и 15/10 000; гриппа — между 56/10 000 и 15/10 000; и малярии — между 49/10 000 и 14/10 000.

[56] ГАГС. Ф. Р–79. Оп. 2. Д. 17. Л. 10–12.

[57] Там же. Л. 14–14 об.

[58] О проблемах, выявленных в 1944–1945 гг., см.: Там же. Л. 1–10 об.; Д. 35, Л. 10; Д. 26, Л. 44–51 об.; Ф. Р–359. Оп. 1. Д. 4. Л. 26.

[59] Подробнее о структуре и изменениях послевоенного медицинского сообщества в СССР см.: *Burton Ch.* Medical Welfare during Late Stalinism: A Study of Doctors and the Soviet Health System, 1945–1953: Ph. D. diss. Chicago, 2000, особенно главу 2.

[60] ГАГС. Ф. Р–79. Оп. 2. Д. 37. Л. 113–134. — Корь и скарлатина, вероятно, увеличились с возвращением и рождением детей, которые были жертвами и переносчиками этих заболеваний. Статистика по дизентерии, возможно, некорректна из-за ошибочности диагнозов по причине большого количества желудочно-кишечных заболеваний с похожими симптомами. Поскольку в эти годы отсутствовал хорошо обученный персонал и оборудование, мы не можем гарантировать точность диагнозов.

[61] См.: ГАГС. Ф. Р–359. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–5 об.; Д. 4. Л. 32–39 об.; Ф. Р–79. Оп. 2. Д. 156. Л. 135–140; Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 128. Л. 62.

[62] Там же. Ф. Р–79. Оп. 2. Д. 13. Л. 103.

[63] Там же. Д. 63. Л. 64–65 об.

[64] Там же. Д. 158. Л. 107. — Точный размах этой вспышки остается неопределенным. В том же докладе содержится информация, что 256 из 12 010 городских учащихся болели скарлатиной, и 456 людей были госпитализированы с ней. Это означает, что по крайней мере 200 человек не школьного возраста (вероятнее всего, дети) были госпитализированы. При численности около 10 тыс. человек в 1949 г. в 456 случаях произошла госпитализация, что в четыре раза больше, чем общее число случаев в 1947 г.

[65] ГАГС. Ф. Р–79. Оп. 2. Д. 77. Л. 72–76; Д. 157. Л. 67–71.

[66] Там же. Ф. Р–107. Оп. 1. Д. 10. Л. 14–22а.

[67] Там же. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–20.

[68] Там же. Ф. Р–79. Оп. 2. Д. 220. Л. 206.

[69] Там же. Д. 339. Л. 311–313.

[70] Там же. Д. 220. Л. 39.

[71] Там же. Д. 37. Л. 122.

[72] Там же. Д. 31. Л. 54.

[73] Там же. Ф. Р–359. Оп. 1. Д. 49. Л. 11. — Рентгеновский аппарат, к счастью, появился вскоре после написания отчета, так как новые директивы в городе предписывали работникам питания и парикмахерам иметь рентген грудной клетки для выявления туберкулеза (Там же. Ф. Р–79. Оп. 2. Д. 112. Л. 11–18).

[74] Там же. Ф. Р–79. Оп. 2. Д. 341. Л. 81.

[75] Там же. Д. 219. Л. 46–54.

[76] Алмазова С. Д. Этажи и люди // Возрождение Севастополя: Сб. Симферополь, 1982. С. 93–105.

[77] РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 154. Л. 348–353 об. — Это решение последовало вскоре после визита Сталина в Севастополь и его телеграммы Маленкову, в которой он опасался потерять поддержку города, если тот не будет надлежащим образом восстановлен.

[78] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 2648. Л. 211; Д. 3157. Л. 29; Д. 3807. Л. 26; Д. 4703. Л. 183. — Благодарим Дональда Филтцера за предоставление нам этих данных.

[79] *Zubkova E.* Russia after the War. P. 4–5, 31–39, 84–85. — Автор книги показывает несоответствие между ожиданиями и реальностью в послевоенный период. Сара Дэйвз показывает, как функционировала та же самая система на десятилетие ранее. Даже некоторые «истинно верящие» критиковали режим на своем языке за несоответствие истинным целям революции. См.: *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. N. Y., 1997. P. 8–9, 186.

[80] *Weiner A.* The Making of a Dominant Myth: The Second World War and the construction of Political Identities within the Soviet Polity // Russian Review. Vol. 55. 1996. N 4. P. 658–660.

[81] *Platt K., Brandenberger D.* Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda. Madison, 2006. P. 11.

Qualls K. **To Agitate and to Render Service: Replanning the Hero-City Sevastopol, 1944–1953**

ABSTRACT: This article examines some of the ways that city planners, and local authorities in particular, sought to use agitation and accommodation to rebuild Sevastopol after World War II. Through a combination of accommodation (i.e. trying to meet residents daily needs) and agitation (e.g. using the city's nineteenth-century naval heritage to construct an urban biography), officials sought to attract and retain a workforce to reconstruct the city. In the process, Sevastopol emerged with a new urban biography that, while still Soviet, had its roots in the pre-Revolutionary era and defined the city and its residents as hero-defenders of the Motherland.

KEYWORDS: Sevastopol, city planning, localism, reconstruction, World War II.

AUTHOR: Ph. D., Associate Professor of History, Dickinson College (Carlisle, Pennsylvania USA); quallsk@dickinson.edu

REFERENCES:

[1] Sevastopol City State Archive.

[2] Russian Federation State Archive.

[3] *Edelman M.* The Symbolic Uses of Politics. Urbana, 1985.

[4] *Day A.* The Rise and Fall of Stalinist Architecture // Architectures of Russian Identity, 1500 to the Present / J. Cracraft, D. Rowland, eds. Ithaca, 2003.

[5] Russian State Economics Archive.

[6] *Barkhina A. G.* G. B. Barkhin. Moscow, 1981.

[7] *Murray J.* Politics and Place-Names: Changing Names in the Late Soviet Period. Birmingham, 2000.

[8] *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, 2002.

[9] *Maddox S.* These Monuments Must Be Protected! The Stalinist Turn to the Past and Historic Preservation during the Blockade of Leningrad // Russian Review. Vol. 70. 2011. N 4.

[10] *Dunham V.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Durham, 1990.

[11] *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1997.

[12] *Timasheff N.* The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. Chapter 12. N. Y., 1946.

[13] *Zubkova E.* Russia After the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957. N. Y., 1998.

[14] *Zubkova E.* Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost, 1945–1953. Moscow, 1999.

[15] Russian Federation President's Archive.

[16] Introduction // Contending with Stalinism: Soviet Power and Popular Resistance in the 1930s / Lynne Viola, ed. Ithaca, 2002.

[17] *Harris J.* Resisting the Plan in the Urals, 1928–1956: Or, Why Regional Officials Needed "Wreckers" and "Saboteurs" // Contending with Stalinism / L. Viola, ed. Ithaca, 2002.

[18] *Harris J. R.* The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca, 1999.

[19] *Bucher G.* Women, the Bureaucracy and Daily Life in Postwar Moscow, 1945–1953. N. Y., 2006.

[20] *Manley R.* "Where Should We Resettle the Comrades next": The Adjudication of Housing Claims and the Construction of the Postwar Order / Fürst J. Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention. London, 2006.

[21] *Edele M. A.* "Generation of Victors?": Soviet Second World War Veterans from Demobilization to Organization, 1941–1956": Ph. D. diss. Chicago, 2004.

[22] *Varga-Harris C.* Constructing the Soviet Hearth: Home, Citizenship and Socialism in Russia, 1956–1964: Ph. D. diss. Urbana-Champaign, 2005.

[23] Istoriia goroda-geroia Sevastopolia, 1917–1957. Kiev, 1958.

[24] *Salisbury H.* Russia on the Way. N. Y., 1946.

[25] *Voitekhov B.* The Last Days of Sevastopol. N. Y., 1943.

[26] *Filtzer D.* Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II. Cambridge, 2005.

[27] *Varga-Harris C.* Green is the Color of Hope?: The Crumbling Facade of Postwar Byt Through the Public Eyes of "Vechernaia Moskva" // Canadian Journal of History. Vol. 34. 1999. N 2.

[28] Slava Sevastopolia. 1948. N 1. 7 december.

[29] Slava Sevastopolia. 1948. N 2. 10 december.

[30] Slava Sevastopolia. 1949. N 1. 11 february.

[31] *Dimaio A. J.*, Jr. Soviet Urban Housing: Problems and Policies. N. Y., 1974.

[32] *Levchenko Ia. P.* Gorodskaia cherta i generalnyi plan // Problemy sovetskogo gradostroitelstva. 1949. N 2.

[33] Problemy sovetskogo gradostroitelstva. 1947. N 1.

[34] Planirovka gorodov: tekhniko-ekonomicheskie pokazateli i raschety. Moscow, 1952.

[35] Tekhniko-ekonomicheskie osnovy planirovki poselkov. Moscow, 1944.

[36] *Burton Ch.* Medical Welfare during Late Stalinism: A Study of Doctors and the Soviet Health System, 1945–1953: Ph. D. diss. Chicago, 2000.

[37] *Almazova S. D.* Etazhi i liudi // Vozrozhdenie Sevastopolia: Sb. Simferopol, 1982.

[38] *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. N. Y., 1997.

[39] *Weiner A.* The Making of a Dominant Myth: The Second World War and the construction of Political Identities within the Soviet Polity // Russian Review. Vol. 55. 1996. N 4.

[40] *Platt K., Brandenberger D.* Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda. Madison, 2006.